

И.Р.Рудзите. Портрет Юрия Рериха. 1990.
Бийский краеведческий музей

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Из воспоминаний о Юрии Николаевиче Рерихе

Илзе Рудзите

Оглядываясь на прожитые годы, я вспоминаю, как самое дорогое, выпавшие на мою долю незабываемые встречи с поистине благодатными людьми, после которых происходит полная переоценка ценностей, начинается новый жизненный цикл. Именно такими были мои встречи с Юрием Николаевичем Рерихом.

В августе 1957 года — я училась тогда на втором курсе Латвийской Академии Художеств — мы с сестрой Гунтой приехали в Москву на Международный фестиваль молодежи и студентов. И тут я неожиданно заболела воспалением легких. Меня поместили в больницу. Как раз в это время Гунта узнала, что Юрий Николаевич Рерих уже вернулся из Индии и остановился в одной из московских гостиниц. Срочно сообщили в Ригу отцу — Рихарду Яковлевичу Рудзитису, с приездом которого в Москву и начались, одна за другой, незабываемые встречи с великим ученым.

Участвовать в первых встречах мне не удалось из-за болезни. Врачи не обещали выпустить меня из больницы раньше чем через месяц. И я решила написать Юрию Николаевичу письмо. Мне тогда исполнилось всего 20 лет. Как многие в таком возрасте, я была максималисткой, и письмо получилось очень бурным и эмоциональным. Написала, что с четырнадцати лет, несмотря на то что мои родители в то время находились в лагерях за «рериховскую идеалистическую идеологию», я сознательно стала изучать книги Живой Этики, письма Елены Ивановны, книги Рамакришны и Вивекананды, теософскую литературу, биографии мыслителей и, конечно, Евангелие. Учеба в художественной средней школе и, позже, в Академии Художеств занимала у меня всё время до позднего вечера, поэтому я ежедневно вставала рано утром, в 4-5 часов, читала и много успевала сделать.

Дальше в письме говорила, что прочитанное казалось мне таким актуальным, таким чрезвычайно важным, что я не могла хранить это в себе, стала знакомить с Учением своих одноклассников и друзей и вскоре столкнулась с большими трудностями. Спрашивала у Юрия Николаевича, что же делать, если в нашем государстве такое идеологическое давление, преследуется всё касающееся религиозных христианских взглядов и, конечно, Учения. Высказала опасения по поводу распространения с Запада пропаганды легкой безнравственной жизни, которая плохо влияет на молодежь. И еще написала о многих своих проблемах.

Оказалось, что уже на следующий день, 2 сентября, мое бурное письмо было передано Юрию Николаевичу. Потом отец рассказал, с каким вниманием и радостью Юрий Николаевич взял его и бережно спрятал в нагрудном кармане пиджака.

23 сентября 1957 года мы стояли у квартиры 35 в доме 62/1 по Ленинскому проспекту. Двери открыла Ираида Михайловна, или просто Рая, одна из сестер Богдановых, которые приехали в Россию вместе с Юрием Николаевичем.

Через минуту в распахнутых дверях противоположной комнаты появился среднего роста, крепко сложенный человек в песочного цвета дорожном кителе. Светлое овальное лицо с выступающими азиатскими скулами, коротко стриженная седоусая бородка, гладко причесанные волосы. Взлет черных, крылатых бровей, несколько секунд пронизывающий меня насквозь изучающий взгляд. Но уже через мгновение большие миндалевидные темно-карие глаза озаряются обаятельной улыбкой и на щеках появляются выразительные ямочки. Он идет нам навстречу, обнимает отца и тепло, обеими руками сжимает мои и Гунтины ладони. Отец представляет меня Юрию Николаевичу, который здоровается со мной так, будто мы давным-давно самые близкие друзья. С тех пор я больше никогда не чувствовала на себе его испытующего взгляда.

Юрий Николаевич проводил нас в свой кабинет и стал рассказывать о том, что контейнер с картинами, книгами и остальными вещами всё еще в Одессе, нужно приложить большие усилия, чтобы всё это дошло до Москвы. Чиновники одного заведения обещают пропустить, а другие тормозят, требуют проверки содержания всего багажа.

Потом деликатно, чтобы меня не смущать, перешел к ответам на мое письмо. Обращаясь ко мне, мягко сказал: «Не надо бунтоваться». Потом одобрил описанное мною чтение в утренние часы: «Предрассветные часы — самые сокровенные. Используйте утренние часы. Лучше быть утренником, чем ночником». Отметил, что в Индии ночь делят на три части: вечернюю — для домохозяев, самую темную — для воров, а предрассветную — для йогов. В Индии из-за жары все люди, включая президента Неру, встают рано. И Елена Ивановна всегда очень рано вставала, совсем мало спала.

«Перед уходом Елены Ивановны поднялась ужасная гроза, какое-то большое дерево сломалось в нашем саду, позже я использовал его для погребального костра, — Юрий Николаевич стал говорить о самом сокровенном и продолжал: — Перед уходом матушки со стены упало изображение Будды, которое висело в моей комнате». Рассказал о трех знаках, которыми Николай Константинович подготовил старшего сына к своему неминуемому уходу. Николай Константинович цитировал стихотворение своего любимого поэта А.К. Толстого «Шумит на дворе непогода». Там есть такие слова: «Как скоро хозяин умрет, / Наследник покинет поместье, / Где жил его доблестный род...» Потом позвал Юрия, передал ему свой дневник «Моя жизнь» в трех больших папках и сказал: «Возьми и сохрани!» И еще сказал: «Выбери те картины, которые тебе больше нравятся, и напиши свое имя».

Юрий Николаевич снова вернулся к теме моего письма: «В Европе, вне круга демократических стран, нет прогресса. Всё лучшее притянато к магниту России...»

«В Западной Европе рушится понятие героизма. Если человек морален, он таким и будет в любых ситуациях. Сделать так, чтобы человек стал храбрым, совершил подвиг — нельзя, это должно быть заложено у него в потенциале», — продолжал Юрий Николаевич и добавил, что у русских пока еще грубость соединена с подвигом. В сознании еще не утвердилась связь между подвигом и культурой.

Юрий Николаевич говорил о том, что многое было уже предвидено, например освоение целинных земель на Алтае, хотя и несколько иначе, чем это сейчас про-

исходит. Был убежден, что у нашей молодежи есть тяга к подвигу, поэтому так много молодых людей добровольно едут в Сибирь на новостройки и на целину. «Новые люди на новом месте. Все, у кого есть возможность, пусть едут на Алтай. Когда представится возможность, не откажитесь и вы поехать. В Новосибирске усиливается филиал Академии наук, я и сам охотно поехал бы туда... Про Алтай — это решено! — убежденно говорил Юрий Николаевич. — Надо смотреть на Восток, а не на Запад». И несколько раз повторил: «Город будущего и Музей надо строить на чистой земле — на Алтае. Там следующий центр. Музей будет здесь, в Москве, и на Алтае».

Взглянув на меня, Юрий Николаевич заговорил о брате: «Святослав написал два портрета Неру, теперь пишет портрет Радхакришнана». Мне показалось, он хотел сказать мне что-нибудь новое об искусстве — ведь в письме я столько говорила о советских стандартах, о жестких рамках преподавания в нашей Академии Художеств. Действительно, Юрий Николаевич посадил меня за соседний столик, подал альбом и предложил посмотреть репродукции картин Святослава Николаевича Рериха. Столько внимания мне, совсем еще юной студентке второго курса, столько любви... Потом я поняла — каждому собеседнику казалось, что Юрий Николаевич только к нему одному обращается с такой особой любовью, с полной самоотдачей.

Уже поздно, но уходить так не хочется... Когда стояли в коридоре и Юрий Николаевич подал мне мой плащ, заметила, что я в своих туфлях на высоком каблуке почти одного роста с ним. На прощание Юрий Николаевич сказал: «Берегите здоровье. Будьте осторожны». И добавил: «Всё повернулось. Пути обратного нет».

11 апреля 1958. Встреча накануне исторического события — открытия выставки Николая Рериха на Родине.

Рихард Яковлевич, Гунта и я снова у Юрия Николаевича. Ученый тепло обнял нас всех и проводил в свой кабинет.

Чувствуется, что Юрий Николаевич уже не путешественник, вернувшийся издалека на свою Родину, а хозяин дома. С огромным уважением он сажает отца в старинное кресло из красного дерева с подлокотниками в виде бараньих голов, говоря: «Это кресло Николая Константиновича с тех времен, когда он был директором Школы Общества Поощрения Художеств. Я привез его из Ленинграда». Меня и Гунту он посадил в другие кресла той же коллекции.

Большой кабинет Юрия Николаевича полностью преобразился. Пришел контейнер с вещами — книгами, картинами. Почти все стены до самого потолка заняты сколоченными из широких досок полками. Книги на разных языках мира. На верхних полках множество тибетских текстов, обернутых в желтые, оранжевые и красные с восточным орнаментом ткани. Стопками на полу, прислоненные к полкам, стоят небольшие картины и застекленные этюды, некоторые уже повешены на стены. На большом письменном столе — настольная лампа, за книгами и бумагами замечают фотографии Николая Константиновича с Неру, Святослава Николаевича с Девикой Рани, фотопортрет прекрасного одухотворенного человека, оказалось — Степана Степановича Митусова, родственника Елены Ивановны, дальше бронзовая медаль Николая Константиновича и большой кусок горного хрусталя. На низкой полке у стены с входной дверью — известная по портрету Елены Ивановны статуэтка играющего на флейте Кришны.

Юрий Николаевич заметил, что в коридоре еще много нераспакованных короб с книгами и большой ящик с бронзовой скульптурой Будды — она будет помещена в его спальне. Потом стал рассказывать о борьбе, которую пришлось выдерживать в процессе организации выставки. Особенно препятствовали некоторые видные художники. Даже в последний момент хотели занять помещение выставкой художника Родионова. Снова Юрий Николаевич должен был встретиться с министром культуры Н.А. Михайловым. Тот действовал решительно, созвал своих сотрудников и издал приказ об открытии выставки Н.К. Рериха 12 апреля. Все еще боялись «эмигранта», поэтому не удалось разместить выставку ни в Третьяковской галерее, ни в Пушкинском музее. Наконец получили зал Союза Художников на Кузнецком мосту. Михайлов пригласил выступить на открытии выставки президента Академии Художеств Б.В. Иогансона.

Юрий Николаевич подарил нам каталог и пригласительные билеты. Каталог напечатали за пару дней вне рабочего времени. Для обложки использовали старое клише с рисунком холщовой фактуры. Знаменитый искусствовед академик М.В. Алпатов отказался писать вводную статью для каталога. Ее написал другой академик, тяжело больной художник К.Ф. Юон. Из 2000 напечатанных пригласительных билетов уже более 1000 были переданы и разосланы в разные организации. Желающих прийти на открытие выставки так много, что Юрий Николаевич вынужден многим передавать просто записочки со своей подписью.

12 апреля 1958. Открытие первой выставки картин Николая Рериха на Родине назначено на 16 часов в выставочном зале Союза Художников на Кузнецком мосту.

Утром Рихард Яковлевич неважно себя чувствует, и к Юрию Николаевичу мы с Гунтой едем вдвоем. Вручаем подарки от Гаральда Лукина и Бруно Якобсона, они прилетят самолетом только к самому открытию выставки.

Заговорили об Индии. В ожидании визита Хрущева и Булганина, индийские власти попросили Юрия и Святослава подыскать для показа им хатха-йогов и факиров. По этому поводу Юрий Николаевич рассказал, что видел йогов, сидящих на воде или немного погруженных в воду, как на картине Николая Константиновича «Лотос». Он был свидетелем и нескольких случаев левитации. Так, в Лондоне они со Шклявером гостили у русского художника Койранского, имеющего некоторые врожденные способности. Койранский сел на стул и поднялся вместе с ним до потолка. Юрий со Шклявером ухватились за стул, хотели стянуть его вниз, но сами оказались повисшими в воздухе.

Потом мы услышали рассказ о тибетских йогах, которые упражняются в развитии внутреннего тепла и могут даже в зимние морозы ходить босиком и в легких одеждах, сидеть на снегу так, что около них появляются проталины. Их нормальная температура 39°. Гунта напомнила, что в нашем рижском государственном музее в запасниках хранилась картина Николая Константиновича «На высотах» («Тум-мо»), на ней изображен такой йог, сидящий в снегу на большой высоте. Теперь эта картина привезена в Москву и будет представлена на выставке.

Юрий Николаевич добавил, что и у Серафима Саровского было развито внутреннее тепло, которое позволяло ему «ходить по верху цветов», как об этом рассказывал Мотовилов.

В Москве Юрий Николаевич наблюдал длинные очереди около музеев — Третьяковской галереи, Пушкинского, по вечерам — у Большого театра, у театра

Юрий Николаевич Рерих.
Москва, 1958 год

на Таганке или у «Современника», переполненные библиотеки, читающих молодых людей в метро, в троллейбусах. «Я вижу, что у русской молодежи есть искания, есть интересы, она самостоятельно мыслит». С другой стороны, он видел и много негативного — грубость, невежество, замечал влияние западной массовой культуры.

После обеда мы хотели уйти, чтобы не мешать Юрию Николаевичу подготовиться к открытию выставки, но он нас не отпустил и предложил поехать вместе на такси. Старшая из сестер Богдановых, Людмила, остается дома, объясняя, что если поедет, будут одни слезы: она не сможет без волнения смотреть на эту первую выставку Николая Константиновича в России, которой он не дождался.

Проехав несколько улиц, Юрий Николаевич обращает наше внимание на церковь и большое скопление народа около нее. А я, к своему большому стыду, это пропустила. Через несколько минут езды ученый снова с радостью указывает на людей около другого храма в переулке. Теперь я воочию увидела необыкновенную внимательность Юрия Николаевича. Вчера, когда я наблюдала его сидящим в своем кабинете, его спокойствие казалось настолько непоколебимым, что ни одно самое неожиданное известие или событие не смогло бы его нарушить. И только по выражению глаз, по быстро меняющимся тонким оттенкам мимики я поняла это особенное сочетание — спокойствие и подвижность без малейшей суетливости и спешки.

На Кузнецком мосту перед входом очередь растянулась почти на весь квартал. Через толпу людей пробираться не легко, хотя люди узнают Юрия Николаевича и сторонятся. Мы приехали за полчаса до открытия, прошли в залы. Юрия Николаевича сразу же окружают организаторы выставки и уводят.

Выставка начинается с поставленного на мольберте небольшого, известного по рижской монографии портрета Н.К. Рериха кисти Святослава Николаевича. Перед портретом сине-фиолетовые цинерарии — такие росли среди любимых цветов Рерихов около их дома в Наггаре. Рядом столик с книгой отзывов.

В небольшом зале размещена экспозиция русского периода. А через двери в следующий зал видится необычное сверкание красок. Входим, и нас поражает ослепительное радужное буйство цвета и света. Цвета пронизывают все клетки моего тела, обволакивают душу, действуют на мысли и сознание.

Идем от картины к картине, но всё посмотреть не успеваем. Приглашают на торжество открытия. Множество людей заполнило вестибюль и первые залы. Замечаю отца и чету старых теософов Антониюк, у которых мы остановились. Появляется Юрий Николаевич в сопровождении начальства и почетных гостей. Начинается торжественная церемония. Выступают заместитель министра культуры Пахомов, президент Академии Художеств Иогансон, новый председатель Союза Художников Сергей Герасимов. Говорят осторожно, чувствуется, что боятся сказать лишнее, но не могут не признавать мировой масштаб художника. Отмечают, что выставка действительно значительная. Поздравляют Юрия Николаевича, который, по их мнению, похож на своего отца.

Слово предоставляется цейлонскому послу Малаласекера. Позже выяснилось, что он был близким другом Юрия Николаевича. Юрий Николаевич сразу и переводит: «Порою на Земле появляются люди, которые принадлежат не определенной нации или народу, а всему миру, всему человечеству. К этим людям относится и Николай Константинович Рерих, творения которого нам дано увидеть сегодня...»

13 апреля 1958. Воскресенье, день русской православной Пасхи. Сегодня вместе с нами пришли еще и другие друзья из Риги, Гаральд Лукин и Бруно Якобсон. Открывает дверь сам Юрий Николаевич. Вручаем большой букет светло-розовых роз и хрустальную вазу. Юрий Николаевич тепло благодарит за подарки и сразу приглашает в столовую, где уже накрыт праздничный стол. На белой скатерти ярко выделяются крашеные яйца, румяный кулич, пасха, шоколадные конфеты, фрукты. В вазе — весенние цветы, белые и желтые нарциссы в сочетании с веточками вербы.

На этот раз в беседе принимают участие и сестрички, Ираида и Людмила Богдановы. Рая рассказала, что они все втроем были в Троице-Сергиевой Лавре на богослужении, зажгали и ставили свечи, молились. Впечатление от посещения Лавры осталось очень сильное. Юрий Николаевич рад, что, несмотря на гонения, православная вера все-таки жива. Но тут же с грустью добавил, что от Пасхи осталась, в основном, лишь внешняя традиция: яйца и куличи.

Заговорили о личностях, по духовным качествам близких Белому Братству. Гаральд Феликсович спросил про Рихарда Вагнера и получил исчерпывающий ответ: «Да, Вагнер смог бы подойти близко, но ему мешал тяжелый характер. Бетховен по своим огням мог быть кандидатом ближе, чем все другие. В искусстве человек не всегда соответствует своему внутреннему облику».

«Главное — внутренний облик», — еще и еще раз повторял Юрий Николаевич. «Подвижники — те, у кого все стороны характера уже соответствуют их кредо».

На вопрос отца о дальнейших планах продвижения выставки Юрий Николаевич четко ответил: «Я иду этапами. Где фронт противников, там больше приходится прикладывать сил. Нужно соизмерять, что можно, а что еще нет».

Говорили о музее Рериха в России. Было предложение сделать его в Архангельском, в окрестностях Москвы, и филиал — в Сибири. Юрий Николаевич снова упомянул о новом центре на Алтае, куда он и сам согласен переехать.

Юрий Николаевич поведал нам о том, что большая картина Николая Константиновича «Святой Сергий Радонежский» привезена из Праги и находится в запасниках Третьяковской галереи. Ему рассказывали, что она выставлена у стены открыто и работники галереи, когда идут в это помещение, говорят: «Пойдем к Сергию». Подходят, крестятся, иногда с земным поклоном.

Поделится впечатлением от посещения Троице-Сергиевой Лавры: «Храм святой Троицы великолепный, хор звучит мощно, много молодежи и военных». В Духовной семинарии студенты-семинаристы в разговоре с ним сказали, что они знакомятся с трудами Николая Константиновича, не просто читают, но изучают их.

16 апреля 1958. На Кузнецком мосту огромная очередь. Чтобы попасть на выставку, стоят по несколько часов. Прохожу вдоль очереди.

Неожиданно меня останавливает знакомая из Риги. Оказалось, что уже в третий раз она приходит на выставку и выстаивает очередь, чтобы снова увидеть работы Николая Константиновича.

Предлагаю девушке пройти вместе со мной по моему студенческому билету без очереди. Когда контролер нас остановил, я показала свой билет, сказала: «Мы к Юрию Николаевичу», и нас моментально пропустили.

Юрий Николаевич в окружении небольшой группы людей поясняет картины. Удастся подобраться поближе. Слышим часто задаваемый вопрос: «Разве такие

краски могут быть в природе?» — Юрий Николаевич: «Поезжайте в Индию, увидите». «Почему Николай Константинович писал темперными красками?» — «Это самые прочные, долговечные краски. Но это очень трудная техника. Надо писать сразу, нельзя исправлять, нельзя класть сверху новый слой краски. Николай Константинович в основном пользовался парижскими пигментами, а связующую эмульсию и краски изготавливал сам».

В картине «На высотах» некоторые зрители удивляются сидящему на снегу отшельнику, вокруг которого образовалась проталина. «Это на высоте пять километров, — поясняет Юрий Николаевич. — Сидеть в снегу на такой высоте можно только имея соответственную подготовку. Это не фантазия. Я сам поднимался на такие высоты. Но при этом необходимо соблюдать определенный режим жизни. Нельзя, например, курить». Тут Юрий Николаевич взглянул на вопрошавших юношей, и те, краснея, опустили глаза.

Посетители очарованы весенним цветущим садом на картине «Гуга Чохан». Юрий Николаевич рассказывает: «Это персики, абрикосы, яблони, посаженные нашей семьей. Здесь, на переднем плане, наш дом. Здесь также место кремации Николая Константиновича. Часть пепла я привез с собой». Наступает длинная пауза, молодежь замолкает.

Многие потрясены картиной «Борис и Глеб»: русские святые окружены ослепляющим сиянием широкой общей ауры, несколько цветковых прозрачных кругов, через которые просвечивает речной пейзаж с горами. Кто-то в недоумении спросил: «Что это вокруг святых? Как может быть такое свечение?» Юрий Николаевич с улыбкой ответил: «Это старинное сказание о святых Борисе и Глебе. А со святыми иногда такое случается». Один из слушателей добавил: «Так написать может лишь тот, кто сам святой...»

Продолжаю ходить и ходить от картины к картине и впитывать эту удивительную, неземную красоту.

27 сентября 1959. Москва солнечная и приветливая. Мы с отцом приехали в воскресный день. Открывается дверь, и как всегда: «А, Рихард Яковлевич, Илзе, пожалуйста, пожалуйста!» — радостно встречает нас сам Юрий Николаевич, по-индийски сложив руки для приветствия.

Снова сидим в прекрасных старинных креслах. Из окна через шторы проникают лучи солнца и передвигаются по комнате, поочередно играя на наших руках.

Юрий Николаевич выглядит отдохнувшим, бодрее прежнего, и увлеченно рассказывает о поездке в Монголию. Оказалось, в Улан-Баторе проходил «Первый международный съезд монголоведов». Приехало около ста делегатов из 25 стран, даже из Америки. Несмотря на то что и в Монголии церковь официально отделена от государства, всё же к буддийской религии там относятся доброжелательно, и съезд открыли буддийским богослужением. Делегатам съезда вручили памятные подарки, которые Юрий Николаевич нам показал. Среди них — пурпурно-коричневая папка с тисненой золотом надписью. Юрий Николаевич подчеркнул особую значимость этой надписи. После посещения монастыря Ганден все участники получили жетоны с рельефом «Будда с колесом перерождения в руке» — знак Учения Будды. Делегатам подарили также по маленькой фарфоровой статуэтке Будды, держащего голубую чашу. Отец отметил, что, воистину, с чудными знаками Новой Эры проходил этот знаменательный съезд.

Ю.Н. Рерих совершает буддийскую церемонию
на свадьбе дочери цейлонского посла. Москва, 1959

Юрий Николаевич рассказал, что монгольская столица хорошо выстроена, но в провинции, в степях продолжают жить в юртах. Принимали его в Монголии очень сердечно. Так же хорошо принимали и в Улан-Удэ, где он тоже побывал. Подарили небольшой отлив буддийской священной ступы. Рассказали, что строят новый буддийский храм, деньги на который были собраны за несколько дней. С бурятскими учеными Юрий Николаевич договорился о сотрудничестве, обещал следующим летом приехать к ним с лекциями.

Поделится радостной вестью — удалось добиться возобновления издания серии книг по буддизму «Библиотека Буддика», начатой еще при Щербатском в 20-х годах. Главным редактором будет Юрий Николаевич.

Рассказал, что недавно состоялась свадьба дочери цейлонского посла Малаласекера. Ему пришлось вести буддийскую церемонию бракосочетания. Согласно традиции, церемонию проводит ближайший друг семьи. На свадьбе было около 500 человек, священники и буддийские ламы из Бурятии и даже представители советского правительства. Юрий Николаевич проводил ритуал на языке пали, очень готовился к этому торжеству, заранее репетировал дома.

В институте он руководит теперь сектором философии и истории религии Индии. Рассказал о трудностях с аспирантами, у которых не хватает часто элементарных знаний. Обобщая свои наблюдения, Юрий Николаевич резюмировал: «По-всемирно необходимы две вещи: во-первых, поднять общий уровень культуры, во-вторых — дисциплина и равновесие».

Снова зашла речь о судьбе картины «Святой Сергей», которую до сих пор не выставляют, держат в подвальном помещении Третьяковской галереи. Оказалось, Юрий Николаевич обращался к администрации галереи с предложением отдать ему эту картину в обмен на какую-либо другую, например большой пейзаж, но директор ответил отказом.

Заговорили о прогнозах на будущее. Юрий Николаевич сказал: «Пока главы государств будут вести переговоры, что может длиться годами, войны не будет. Сейчас в мир вошли большие конструктивные силы, они способствуют умиротворению. Конечно, возможны вспышки. Думаю, мы их еще переживем. Но России не угрожает опасность, всё будет ей на пользу. Мы живем в самое интересное время, поворота обратно быть не может. Я оптимист». Дальше ученый еще и еще утверждал значение науки: «Эпоха веры, поклонения прошла. Для современного человека главное — знание. Всё дело теперь за наукой, особенно физикой, математикой, биологией и психологией. Наука должна объяснить тонкие явления. Если начнутся такие исследования, многие вещи просто невозможно будет отрицать».

Рихард Яковлевич спросил, как буддизм относится к проблеме войны. «Так же, как и православие. Пока монахи на войне, они не являются монахами. Свои обеты и знаки они отдают на хранение настоятелю монастыря». В древности какой-то военачальник обратился к Будде с вопросом: «Что делать в случае войны?» — «Исполнять свои обязанности», — ответил Будда.

Сестрички Людмила и Рая Богдановы приглашают всех в столовую, и мы продолжаем разговор за обеденным столом. Снова удивляюсь деликатности Юрия Николаевича: заметив мою скованность, чтобы рассеять ее, он предложил мне соль. Я отказалась, мне казалось предпочтительнее есть меньше соленого. Юрий Николаевич понял это и сказал: «Николай Константинович любил в основном сладкую еду, сладкие блюда, а Елена Ивановна — наоборот, соленые, острые».

Отец поинтересовался состоянием здоровья Юрия Николаевича. По словам ученого, оно стало лучше, гемоглобин у него и Раи несколько повысился, рано утром они гуляют в Университетском сквере, в еде употребляют больше зелени. Ученый пояснил, что самочувствие связано со вспышками и пятнами на Солнце, особенно сильно это проявилось 15 мая и 15 июля (когда болел и мой отец). Тогда у многих людей отмечалось значительное снижение гемоглобина и упадок сил. Потом добавил: «На Востоке один из врачей объяснил мне, что малокровие иногда бывает лучше, чем полнокровие. В Монголии я чувствовал себя бодрее и живее, чем многие другие». Мы знали, что как раз перед отъездом в Улан-Батор гемоглобин у него достиг почти критической отметки.

Теперь, когда Юрий Николаевич уже два года прожил в СССР, почувствовал разные стороны нашей жизни, он смог заключить: «Всё так трудно — не в государственном строе причина, но в беспорядке жизни. Нет устройства. Люди не устроены, нет дисциплины. Масса времени теряется, потому что нет организованности».

Уже стемнело, и мы прощаемся с Юрием Николаевичем и сестричками. Как всегда, все выходят с нами на лестничную площадку и, провожая, складывают ладони в индийском приветствии. Мы с отцом отвечаем тем же. Спускаемся по лестнице, а Юрий Николаевич и сестры стоят, сложив руки, пока мы можем их видеть.

На площадке первого этажа, как обычно после каждой встречи, мы останавливаемся. Отец, тяжело дыша после спуска (он спускался и, особенно, поднимался по лестнице очень тяжело, потому что страдал гипертонией и болезнью сердца), вынимает из кармана коричневый блокнот, ручку и записывает всё, что запомнил из сегодняшней беседы. Стараюсь, как могу, ему помочь.

5 марта 1960. Снова в Москве. Морозное яркое солнце. Почти всегда, когда приезжаем в Москву, нас встречает солнце.

В кабинете сразу замечаю перемену. Несколько картин с выставки Н.К. Рериха вернулись в квартиру Юрия Николаевича и помещены на свободных от книжных полок стенах. Прямо против письменного стола, над дверью, ведущей в спальню ученого, помещена выполненная в гамме насыщенного синего лазурита картина «Святой Сергий — строитель». Ниже, у дверей, ряд небольших картин, среди них — «Христос у Генисаретского озера». Над входной дверью его самая любимая — алая «Гэсэр-Хан». На стене — «Молодой лама» и небольшой эскиз «Сострадание». Над книжными полками повешено несколько танок.

Оказалось, что картины для выставки Святослава Николаевича уже в Москве. Вчера вместе с багажом Хрущева привезли и картины — 42 ящика, более 100 работ. Пока они еще во Внуково. Выставка будет проходить в залах Академии Художеств и продлится около месяца, потом ее перевезут в Ленинград.

После больших трудностей с организацией первой выставки Н.К. Рериха в России, которые Юрий Николаевич все-таки преодолел, нам казалось, что устроить выставку Святослава Николаевича гораздо легче. Но Юрий Николаевич возразил: «Вовсе не так легко. Некоторые чиновники не хотели давать разрешение на выставку, мотивируя это тем, что работы сына слабее, чем у отца. Пришлось снова вмешиваться».

6 марта 1960. Пригласили нас в гости на воскресенье, к 12 часам. Проговорили до шести вечера. Юрий Николаевич рассказывал о разных лекциях, диспутах,

выступлениях, которые были в последнее время. Отец попросил дать точные даты, факты, так как пишет «хронику».

13 февраля в МГУ на кафедре научного атеизма состоялся «съезд атеистов». Юрия Николаевича попросили прочитать доклад об основах буддийской философии. Когда он послал им текст выступления, оказалось, что этот материал не такой, какой им нужен. Тогда Юрий Николаевич отказался выступать, оправдываясь большой занятостью. На следующий день ему позвонили, сказали, что посоветовались с соответствующими органами, и просили зачитать тот же доклад. После доклада было много вопросов. Юрий Николаевич заметил, что, по его наблюдениям, воинствующие атеисты как раз и являются более просвещенными в религии.

Будучи очень деликатным, Юрий Николаевич при необходимости поступал твердо и неотступно. Когда ему дали рецензировать атеистическую книгу об индийской философии, он отказался, назвав ее ужасной, и предложил изъять из оборота. В другой раз, когда в одном столичном журнале были напечатаны негативные примечания о Николае Рерихе, Юрий Николаевич пошел в редакцию спросить автора, что он имеет против Николая Константиновича. Когда тот признался, что выступал лишь против религиозных воззрений художника, Юрий Николаевич сказал: «Принимайте его таким, каков он есть, или вообще о нем не пишите».

О буддизме Юрий Николаевич говорил в «Доме дружбы», а также на вечере в посольстве Цейлона. В Доме Ученых, для физиков, — о Николае Константиновиче и о восточной философии.

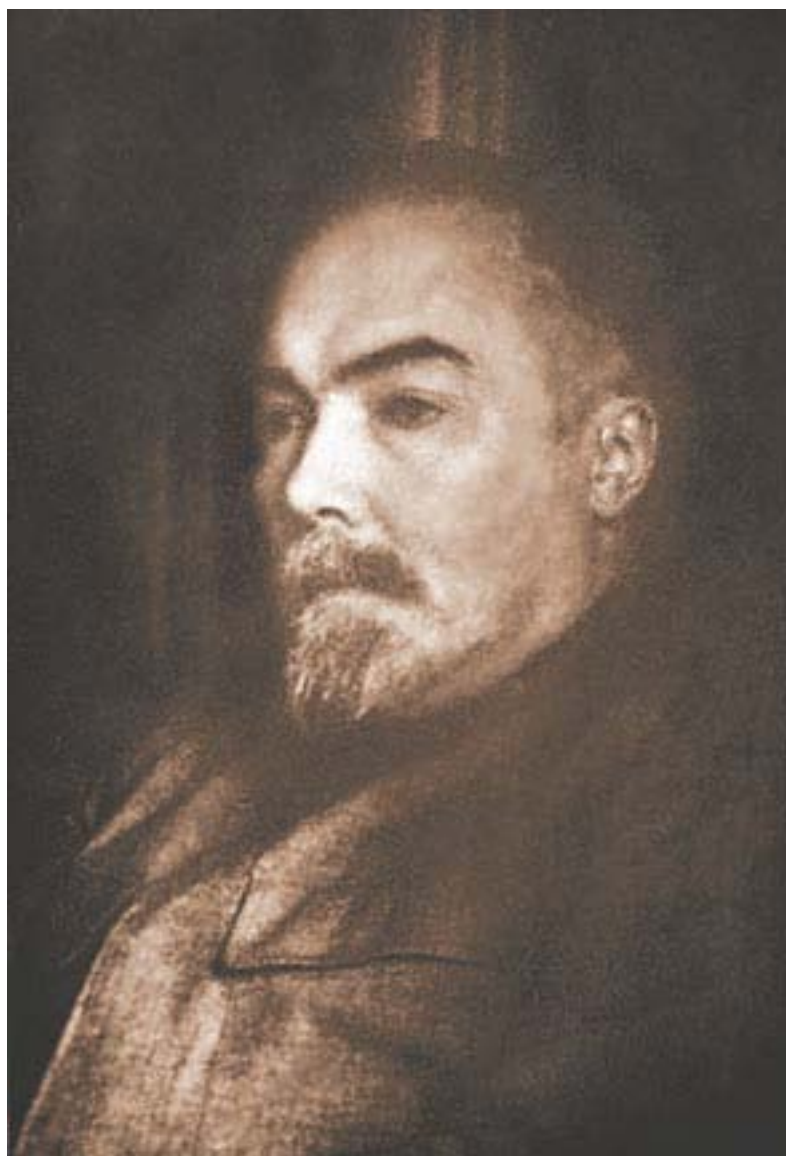
Очень много вреда несет страх. Многие сотрудники боятся всего относящегося к религии и своим поведением влияют на окружающих. Так Юрий Николаевич видел, как кому-то дали в руки книгу о русских иконах, тот испугался и поскорее положил ее на стол.

Постепенно Юрий Николаевич установил широкие связи с советской интеллигенцией. Сегодня сообщил моему отцу, что книги Живой Этики уже путешествуют по Москве. Писатели Константин Паустовский, Леонид Леонов, Иван Ефремов, многие ученые и среди них профессор химии из Киева Вераксо интересуются Рерихами, читают книги Учения. Поэт Волошин в 1926 году приходил в Москве к Рерихам и уже в то время получил от них первые книги Учения.

Несмотря на особую деликатность и любовь к людям, на терпимость к их недостаткам, все же как-то Юрий Николаевич попросил моего отца, если только это возможно, не приводить к нему людей неуравновешенных, «психистов», контактеров, которых уже в то время было немало. Очевидно, ученый страдал от них.

Заговорили о Пакте Мира. Рихард Яковлевич спросил Юрия Николаевича: «В связи с настоящими политическими событиями, не самый ли момент выдвинуть Пакт в ООН?» Юрий Николаевич ответил, что в своих выступлениях он всегда этот вопрос затрагивает, но всё должно созреть. Самое первое сейчас — Музей. Слишком много сразу нельзя.

На вопрос о горе Меру Юрий Николаевич ответил, что географически это Кайлас. Посоветовал перечитать очерк Николая Константиновича «Держатели Мира» и неожиданно назвал три духовных центра в Тибете, четвертый географически неизвестен. Так незаметно для всех присутствующих он открыл великую тайну — кто знал, тот услышал, кто не готов, тому и не надо знать. «Мы, восточные люди, не говорим о сокровенном, — как-то сказал Юрий Николаевич. — Восточные люди очень боятся произнести сокровенное. Лучше даже солгут, чем предадут».

Ю.Н.Рерих. Москва, 1960.
Последняя фотография

Во время наших встреч мы ни разу не слышали из уст Юрия Николаевича цитат из книг Учения. Казалось, что он их даже не читает. Для него было чуждо щеголяние цитатами, он говорил: «Западные люди произносят высокие слова, а живут обыденной жизнью. От этого Запад не преуспевает. Напротив, Восток узнанное сразу применяет в жизни».

Юрий Николаевич предвидел, что многочисленные объединения малопросвещенных людей, не обладающих широким сознанием, легко могут превратиться в сектантские сборища: «Время лекций, докладов, даже собраний частично ушло в прошлое. Лучше личные беседы. Для собраний, лекций нужны солидно подготовленные люди».

О матери Юрий Николаевич никому не разрешал писать, кроме моего отца, Рихарда Яковлевича Рудзитиса, и Зинаиды Григорьевны Фосдик, у которых, по его мнению, достаточно деликатности и чувствознания. Однажды он сказал моему отцу: «Это только для Вас и для самых ближайших по Вашему усмотрению», и коротко рассказал об уходе Елены Ивановны и церемонии ее кремации.

В своей спальне, куда почти никто не входил и куда лишь однажды сестры пригласили Гунту (а мы с отцом входили позже, уже после ухода великого ученого), Юрий Николаевич держал самое святое — иконы, танки, очень дорогую для него бронзовую статую Будды, фотографии матери, отца, брата и других близких. Сокровенные портреты и особо значимые реликвии никогда не были выставлены открыто.

21 мая 1960 года в Чили сильное землетрясение. А в России ушел из жизни Юрий Николаевич Рерих. 22 мая эта скорбная весть дошла до нас. Поставила играть арию прощания небесного бога Вотана со своей дочерью. Одетая в воинские доспехи, она проходит мистерию-заклинание огнем и затем нисходит с небес в долину к людям.

Отец с сестрой Гунтой вспоминают последнюю встречу. Когда все собрались в тот последний раз, так много людей смогла вместить маленькая столовая в его московской квартире, и Юрий Николаевич ни за что не хотел сесть на почетное место. Слушали только что подаренную ему пластинку с записями героической вагнеровской оперы «Парсифаль», на оборотной стороне которой был записан «Траурный марш». Почему-то поставили и его. В карих глазах Юрия Николаевича зажегся синий блеск печали... Почему-то наша сотрудница подарила ему альбом о Братском кладбище в Риге, на фотографиях которого — статуя Матери, и у ее ног покоятся солдаты всех войн. Почему-то Юрий Николаевич помышлял о дальней поездке в ближайшем будущем, и мы думали, что в Бурятию. Почему-то Ираида Михайловна не понимала, когда он в который раз говорил ей, что свою миссию окончил...

«Когда появится новая звезда, тогда время ехать», — сказала перед своим уходом Юрию Николаевичу Елена Ивановна Рерих. Картина Николая Константиновича «Звезда Героя» посвящена Юрию Николаевичу. И появление кометы было ему знаком того, что наступил срок для нового подвига. Тогда, в 1957 году, перед приездом Юрия Николаевича на Родину, ученые обнаружили «новую звезду». Об этом в то время читал в латвийской газете «Циня» мой отец.

На похороны поехали отец и Гунта и, конечно, Гаральд Феликсович Лукин.

Я смогла приехать в Москву только 25 мая. Вдвоем с Гунтой поехали на Ленинский проспект. У Людмилы и Раи глаза полны слез. Обнимают и молча проводят

в спальню Юрия Николаевича. У его раскладушки, покрытой индийским покрывалом, на низкой широкой полке стояла только что привезенная белая урна с прахом ученого. Много цветов: розы, белые и фиолетовые гиацинты, нарциссы, желтые крокусы. Рядом с урной у стены репродукция с картины неизвестного мне автора, на которой Святой Сергей благословляет на бой Дмитрия Донского. В углу на тумбе, покрытой розовой восточной тканью, бронзовая статуя Будды с опущенной вниз ногой — грядущий Будда Майтрейя. Выше на стене несколько танок — сочетания золотых, фиолетовых и сиреневых цветов: «Белая Тара», «Майтрейя», «Будда». Над дверью — самая дорогая для Юрия Николаевича, сокровенная картина «Держательница мира».

Когда я вышла из спальни, сестры подарили мне последнюю фотографию Юрия Николаевича. Сказали, что это единственная, второй такой нет. На его лице глубокая задумчивость и большая скорбь... Потом в других фотографиях я пыталась найти его, такого мне дорогого, но не могла: не он, не он. Где-то частица от его добро-го лукавства, где-то частица от его спокойной мудрости или от неожиданной подвижности его взгляда, но все равно это лишь частицы. Немного больше от Юрия Николаевича в коротеньком фильме Андрея Зелинского, который он показывал нам позже. Но все же и там осталось так мало от него. Он ушел от нас, ушел далеко.

И все же, что мне особенно запомнилось в Юрии Николаевиче? Это — когда мы заговорили о самом сокровенном. Его глаза стали бездонными, уходящими в беспредельность веков, словно огромные, черные, таинственные зрачки масок саркофагов древнеегипетских гробниц...

Новоалтайск, 2002 год